

Т.И. Васильева

**ББК Ш5(2=Р)6–4
УДК 821.161.1**

Т. И. Васильева
кандидат филологических наук, доцент

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Л. И. БОРОДИНА

Ключевые слова: концепт «счастье», Л.И. Бородин, личное счастье, идея всеобщего счастья, религиозное счастье

В национальной концептосфере аксиологический концепт «счастье» занимает особое место. Стремление к счастью имманентно жизни человека. В русской литературе на поиски счастья отправлялись многие писатели со своими героями. Так и в творчестве Л.И. Бородина категория счастья исследуется на достаточно широком художественном материале произведений 1970-х–2000-х годов: от попыток дать определение понятию «счастье», выделения его признаков и источников писатель приходит к обозначению порочной идеи всеобщего народного счастья в социалистическом государстве, уничтожавшем счастье отдельного человека.

Проблему личного счастья Л.И. Бородин раскрывает в повести «Гологор», где для героев-таёжников счастье заключается в первую очередь в удачной охоте, в хорошей погоде. Почти каждый персонаж «Гологора» находит свой образ для передачи представлений о счастье: это и «ковёр удачи», и «радуга кольцом», и «веселая песня счастья», и «сюрприз судьбы». Положительная коннотация определяет соответствующий ассоциативный ряд, связанный с чувством радости, вдохновения. Попавшая в суровый край городская красавица Катя хочет найти своё счастье в романтической жизни с любимым человеком, для которого она, в свою очередь, стала «бесценным и хрупким счастьем». Для героини счастье – это чувство «спокойной», «не кончающейся радости», которое заставляет душу петь. Однако временная характеристика счастья – его мгновенность – прерывает «полосу счастья» в жизни Кати чередой несчастья и беды. Л.И. Бородин для усиления контраста между «счастьем» и «несчастьем» использует приёмы кинематографии и «намеренно сгущает атмосферу ожидаемого несчастья, создаёт ситуацию перелома: после идиллических картин таёжной жизни героев следуют сцены гибели троих из них» [1, 334].

Такая связь счастья с несчастьем в произведениях Л.И. Бородина является закономерной: в кульминационные моменты повествования все счастливые герои попадают в беду, переворачивающую жизнь, меняющую их судьбу: «Нигде нет гарантии от случайности! И, наверное, чем счастливее человек, тем страшнее для него случайность! А самые счастливые – они ведь должны жить в вечном страхе за своё счастье! Но если страх – то разве это счастье? Какой получается дурацкий круг <...> а счастье не в круге... а за кругом» [5, 272]. Катя интуитивно определяет счастье как категорию, не связанную с человеком, не зависящую от него. Более того, она и вовсе отказывает человеку в счастье, ибо ожидание несчастья за испытанное счастье уничтожает его. Исследуя проблему счастья, Л.И. Бородин продолжает традиции русской классики, мыслящей в рамках христианской религии, с одной стороны, с другой – чтобы познать счастье, «оценить его по достоинству, человек должен пережить боль, утрату, разочарование» [8, 105].

Философствующий Филька соглашается с Катериной, делая вывод о том, что «человеческое несчастье – есть нарушение гармонии, что в основе природы» [5, 294]. Поэтому все персонажи, испытавшие несчастье, бегут из тайги, не могут в ней жить: и Сергей с Татьяной, и друзья-таежники с Катей, и Селиванов. Прочувствовав всю глубину случившейся с ним и миром трагедией, погибает в тайге и один из главных персонажей «Третьей правды» Иван Рябинин.

Как отмечает в своей работе С.Г. Воркачев, «русское счастье» обусловлено «страданием и несчастьем, причем «страдальческий вектор» здесь направлен от несчастья к счастью, от минуса к плюсу, а не наоборот, как у Данте (ср.: *Nessun maggior dolore / Che ricordarsi del tempo felice / Nella miseria* – *Inferno* 5: 122 – «Нет большего страдания, чем вспоминать о счастливых временах в несчастье»))» [2, 80]. В бородинских же произведениях мы встречаемся как раз с движением героев от счастья к несчастью, в большей степени не с христианским пониманием счастья, а с житейским, даже языческим.

В повести «Третья правда» писатель показывает на примере образов двух героев-таежников два разных народных типа, отличающихся мировоззрением: языческое – у Селиванова, христианское – у Рябинина. Разное у персонажей и понимание счастья. Для Селиванова оно неразрывно связано с понятием удачи, везения, чуда. И поэтому себя Андриан считал счастливым по сравнению с другом: ни разу не преступив закон, он всю жизнь провел на свободе, занимаясь любимым делом. Рябинин же, пережив трагедию несвободы

(25 лет лагерей за несправедливый приговор), потерю семьи, пришел к иному пониманию счастья и судьбы.

В начале повествования егеря Иван Рябинин, неожиданно обретая любовь дочери белого офицера Людмилы Оболенской, построив с ней семью, как и героиня «Гологора», отдает себе отчет, что «слишком большое счастье, не по себе отмерил!» [7, 91]. И Иван по-своему «расплачивается» за счастье несвободой. В неволе приходит герой к христианству, иному пониманию счастья как благодати, любви и веры в Бога: «Открылась главная правда. Мир радости человеческой необъятен в сравнении со всеми горестями, что могут выпасть по судьбе. Но нужно только найти к нему дорогу и каждый раз заново преодолевать каверзы её, чтобы узреть свет иного мира» [7, 94]. Именно такое изменение в сознании Рябинина позволило выжить, не просто не потеряв человеческий облик, но и приобрести нечто божественное, потому и воспринимается он окружающими как с иконы сошедшим святым. Образный ряд, передающий вновь обретенное героем счастье, задан в светлых тонах: «чистый свет», «радость мира», «цветение души», «тихий и радостный мир». Однако Рябинин понимает, что мало кому дано такое прозрение, что «мерка человеческого счастья» иная. И если беда воспринимается Иваном как испытание, ведущее к постижению счастья, истины, Бога, как благодарствие, то друг Селиванов никак не может смириться с таким отношением к несправедливой, по его мнению, судьбе Рябинина. Ему кажется, что Бог должен был помочь его товарищу избежать несчастий судьбы, его же за преступления, напротив, наказать. Гибель Ивана Рябинина ещё больше разубеждает Селиванова в справедливости судьбы и в закономерности счастья.

Поискам личного счастья и даже возможности осчастливить окружающих посвящена жизнь главного героя повести Л.И. Бородина «Расставание». В данном произведении писатель вновь разделяет два понимания счастья: первое – личное, обывательское, смысл которого заключается в семейном уюте, радости, и второе – высшее ощущение блаженства, искренней веры, которое оказывается «вне категории ума». И герой повести Геннадий в силу ряда причин, приобщившись к высшему, всё же уходит к обыденному, более привычному и понятному. Художественное пространство повести также разделено на два мира: мир блаженных отца Василия и его дочери Тоси, с которой собирается связать свою судьбу Геннадий, и суетный мир столицы, где живут семья и друзья центрального персонажа. «Обманом» называет Геннадий счастье блаженного семейства, приобщившись к которому, он становится лучше: «Потом, завтра или

позже, я всё это отрефлектирую и разложу на составные, но сейчас у меня редкий счастливый миг искренности, я так рад ему, я верю, что миг этот может быть продлён, что он может быть вечен» [6, 20]. Неосознанно Геннадий приходит к мысли о возможности продления счастья из ограниченности мига в вечность, о чём мечтала Катя из повести «Гологор», и возможным это стало, по мнению писателя, через приобщение к вере.

Чувство счастья оказывается вне разумных категорий философствующих персонажей Л.И. Бородин: Фильки из «Гологора», Женьки Полуэктова из «Расставания», для которых счастье – это «иллюзия», за которым не стоит гоняться. Философствующие бородинские персонажи в какой-то степени переиначивают слова Н.А. Бердяева: «Слово “счастье” – самое бессодержательное и ничего не значащее из человеческих слов. Никакого критерия и мерила счастья не существует...» [3, 77]. Писатель изображает в данной галерее героев ещё один неприятный тип человека, подменившего понятие счастья удовлетворением, выживанием, – это Виталий Леопольдович, «интеллектуальный маклер, ученик Бердяева», обогатившийся на квартирных спекуляциях. Геннадий с презрением смотрит на Виталия Леопольдовича, который гордится тем, что он «выжил в России и не замарал рук» [6, 82]. Но уже в следующей главе повести Геннадий по сути повторяет роль Виталия Леопольдовича: он, как и презренный маклер, «осчастлививает» семью ветерана, о котором пишет за большие деньги «халтуру». Однако в Геннадии ещё осталась совесть, так как ему становится стыдно перед бедным, забытым государством, героем и его семейством.

Самое сильное ощущение счастья испытывает центральный персонаж на службе в храме: «трепет души, некую обалделость, почти истеричность» [6, 104]. Это чувство приобщения к вере иное, нежели у Рябинина. Геннадий поддается общему бессознательному чувству толпы, как в церкви, так и на свадьбе. В образе персонажа Л.И. Бородин исследует идею «всемирного счастья» построения коммунизма, проводимую в то время государством. Личное счастье при этом становится жертвой счастья всеобщего: «Вот оно – «несовершенство» Божественного замысла! А почему бы, собственно, не помочь человеку, ведь он порой сам не понимает своего счастья, своей возможности быть счастливым – отвлекается, увлекается, развлекается – так одёрни его, шлепком ли, подзатыльником, ведь он в легкомыслии своём опасен не только для самого себя, но и для окружающих, как дурной пример, как соблазн, а по большому счёту он опасен самой идее всеобщего благоденствия» [4, 163]. В жертву

построения такого счастья были принесены и семья самого Геннадия, и семья Рябилина, и многие другие судьбы. Л.И. Бородин в автобиографическом повествовании «Без выбора» обращается к образам узников ГУЛАГа, к тем, кто больше всего пострадал при строительстве нового государства, мечтавшим, чтобы такие, как Геннадий, «писаки всякие про счастье народное», были тоже отправлены «в мерзлоту, в шахты» [4, 254]. Национальной особенностью считает писатель готовность русского народа голову положить за великую идею, в том числе «за счастье всего человечества», что нещадно эксплуатируется властью.

В повести «Расставание» главный герой, подспудно понимая несоответствие желаемого счастья и действительности, делает выбор в пользу счастья-покоя, «сна золотого», он искренне радуется, глядя в счастливые лица веселящихся на его свадьбе друзей, своему расставанию с миром, иллюзией счастья мира блаженных Тоси, отца Василия, дядка Володи. Превалирование лексики с негативной оценкой, сравнение «рассвободительного» свадебного танца с языческим действием окончательно определяют негативное авторское отношение к персонажу в заключительной сцене, когда Геннадия поражает «судорога радости» «подлинного веселья» [6, 170].

Напрямую свою концепцию счастья Л.И. Бородин высказал в автобиографическом повествовании «Без выбора», где глава «Счастье» является заключительной: «Счастье – понятие эфемерное, некая мнимо реальная субстанция душевного состояния. Время длительности состояния – от мгновения до весьма скромной суммы мгновений, только и всего. И лишь в ретушированной и сознательно отредактированной ретроспекции оно, счастье, может видеться и смотреться как некий период времени, имеющий вполне впечатляющую длительность» [4, 428]. В этом определении обобщены характеристики счастья многих бородинских персонажей: иллюзорность, состояние души (вне категории разума), быстротечность. Источниками же такого состояния писатель определяет любовь к женщине, Родине, общение с интересными людьми и книгами, красота природы (тайги), творчество.

Счастье для писателя является несомненной ценностью человеческого существования, делая его лучше, независимо от того, что сам индивид вкладывает в это понятие. Временной параметр счастья – всего лишь мгновения, остающиеся в памяти на всю жизнь, что позволяют сделать Л.И. Бородину следующий вывод: «Жизнь по определению не может быть счастливой, если она рано или поздно (и очень тяжело) кончается» [4, 439]. Высказывая благодарность

за мгновения счастья, испытанные в жизни, писатель невольно приходит к религиозной концепции счастья, когда, совершенно не жалуясь на пережитые беды и несчастья, не гордясь ими, Л.И. Бородин принимает свою сложную судьбу как единственно возможную, предопределённую свыше, в которой, по мнению автора, у него не было выбора.

Таким образом, концепт «счастье» в творчестве Л.И. Бородина находит своё воплощение на разных художественных уровнях: языковом, образном, сюжетно-композиционном, проблемно-тематическом, – неразрывно связываясь в индивидуально-авторской концептосфере с концептами «судьба», «любовь», «вера», «время».

Литература

1. Васильева, Т. И. Кинематографичность прозы Л.И. Бородина / Васильева Т. И. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. – № 19. – С. 332–336.
2. Воркачев, С. Г. Этнический менталитет в языке : «русское счастье» / С. Г. Воркачев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14. – С. 77–84.
3. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
4. Бородин, Л. И. Без выбора : Автобиографическое повествование / Л. И. Бородин. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 505 с. – (Б-ка мемуаров : Близкое прошлое. – Вып. 5).
5. Бородин, Л. И. Повесть странного времени : Повести / Л. И. Бородин. – М.: Современник, 1990. – 399 с.
6. Бородин, Л. И. Посещение : Повести, рассказы / Л. И. Бородин. – М.: Андреевский флаг, 2003. – 384 с. – (серия «Русская современная проза»).
7. Бородин, Л. И. Третья правда : избранное / Л. И. Бородин. – М.: Русский мир: Моск.учеб., 2007. – 480 с. – (Серия «Литературная премия Александра Солженицына»).
8. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2012. – Т. 108. – № 4. – С. 103–114.

Т.И. Васильева

CONCEPT “HAPPINESS” IN L. BORODIN’S PROSE

T. I. Vasilyeva

Abstract

The article deals with the main image, figurative, linguistic and value components of the concept “Happiness” in L. Borodin’s prose. The Borodin’s conceptsphere also includes concepts “Fate”, “Love”, “Belief” and “Time” all of them connected with the concept “Happiness”.

Key words: Concept «Happiness», L. Borodin, Personal Happiness, Idea of Universal Happiness, Religious Bliss